
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ

ГЕЙНЕ ИЗЪ ТАМБОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1863.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ

ГЕЙНЕ ИЗЪ ТАМБОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1863.

Одобрено Цензурою. С. Петербургъ, 11 февраля 1863 г.

Въ типографіи Рюмина и К°.

На невскомъ проспектѣ, на углу Владимірской д. № 45.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Каждый разъ, когда рука моя хватается за лиру, мнѣ живо приходитъ на память время, въ которое я вступалъ на литературное поприще, вспоминается то состояніе духа, въ которомъ я находился тогда и тѣмъ разительнѣе противуположнымъ кажется мнѣ теперешнее настроеніе мое. Но о томъ первобытномъ состояніи и о нынѣшней перемѣнѣ я лучше разскажу вамъ стихами, — какъ и слѣдуетъ поэту, каковымъ я не перестаю себя считать, не смотря ни на какія хулы завистниковъ...

Я живо помню это время:
Я молодъ былъ, не зналъ людей,

И зрѣло чувствъ чистѣйшихъ сѣмя
Въ душѣ младенческой моей.
Подъ небомъ милаго Тамбова,
Въ саду казенномъ, при лунѣ,
Полна величія простаго,
Явилась муза пѣсень мнѣ.
—«Дитя — шепнула — быть поэтомъ,
«Стоять высоко надъ толпой —
«Вотъ твой удѣлъ; знакомься съ свѣтомъ,
«Живи, люби и пѣсни пой.
«Мерцанье звѣздъ, дыханье розы,
«Луну, любви чистѣйшей рай,
«Прелестныхъ дѣвъ, блаженства грезы
«И міръ духовный воспѣвай!»
Послушный милому призыву,
Я въ жизнь вступилъ... Но, Боже мой!
Къ какому горькому разрыву
Пришелъ съ завѣтною мечтой!
Передо мной широко стлался
Россійскій міръ... Во всѣхъ концахъ
Тревожный говоръ раздавался
На всевозможныхъ голосахъ.
Протесты, гласность, обличенья,
Въ журналахъ громкая пальба,

И либеральныя влеченья,
И обскурантная борьба. .
Исполненъ страшнаго конфуза,
Стоялъ я съ лирою своей, —
И вдругъ, ко мнѣ другая муза
Пришла... Сверкали изъ очей
Насмѣшка, злоба и укоры,
Презрѣньемъ вся была полна...
—«Брось поэтическіе вздоры!»
Сурово крикнула она.
«Тебѣ способность Розенгейма
«Я въ даръ роскошный принесла,
«Вставай, клади сурово клейма
«На современныя дѣла;
«Будь обличителемъ суровымъ,
«Волнуй сомнѣньемъ горькимъ грудь
«И вѣрь, съ Иваномъ Кушнерёвымъ
«Сравнишься ты когда нибудь!»

Блестящая перспектива — сравниться когда нибудь съ г. Розенгеймомъ и г. Кушнерёвымъ — (котораго я, долженъ со стыдомъ сознаться, переименовалъ въ Кушнерёва только потому, что слово Кушнерёвъ не укладывалось въ стихъ) — заставила меня покориться голосу этой новой музы...

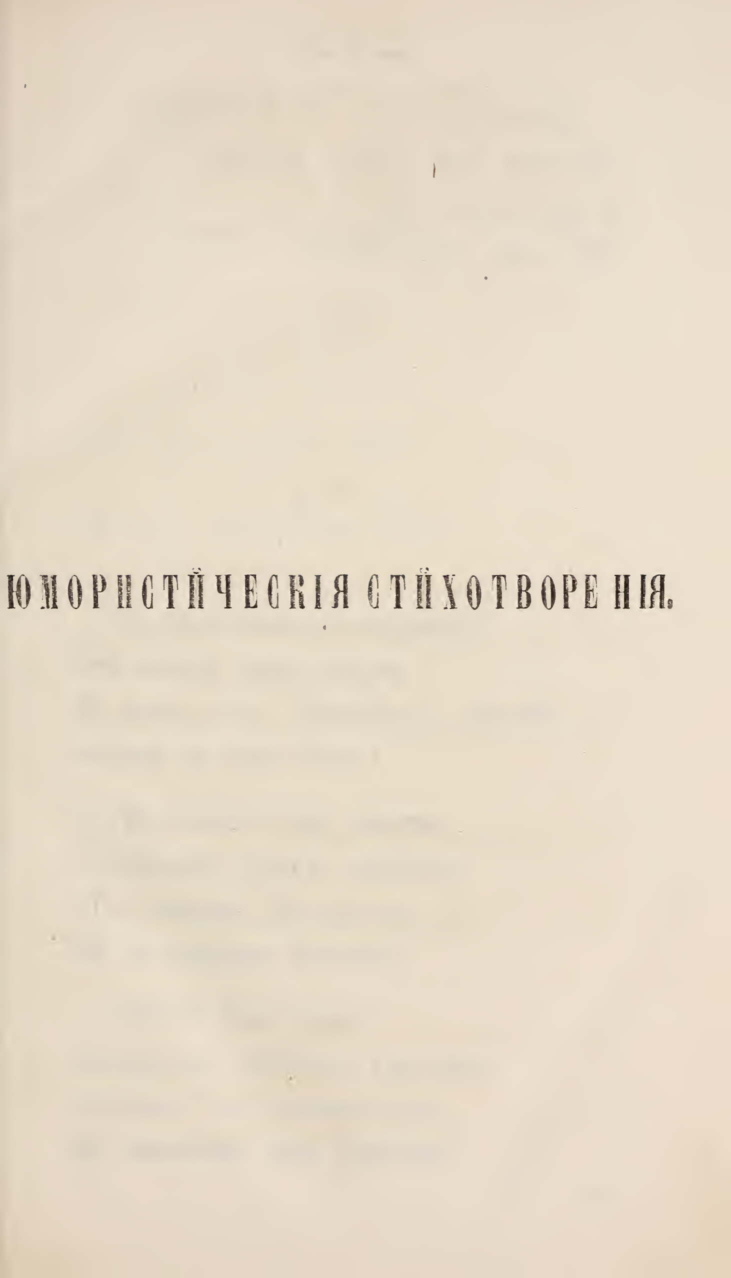
И сталъ бросаться я въ журналы,
И въ жизнь шаги я направлялъ:
И тутъ, и тамъ — вездѣ скандалы,
И тутъ, и тамъ — матеріалъ...

Но порою противною дѣлалась мнѣ моя обличительная дѣятельность, и вспоминалъ я невинное служеніе мое искусству для искусства, прежняя муза снова робко подходила ко мнѣ и шептала: «Жестокій! за что ты покинулъ меня»! Сердце мое умягчалось, я готовъ былъ отдать славу всѣхъ Кушнеревыхъ и Розенгеймовъ на свѣтѣ за одинъ взглядъ этой милой музы; но въ это мгновеніе появлялась новая муза моя, муза обличительная; быстро подбѣгала она ко мнѣ, сурово схватывала меня за руку и говорила, какъ Некрасову:

«Стыдись! Стыдись! Въ годину горя,
Тебѣ-ль красу небесъ и моря
И ласки милой воспѣвать?
Взгляни, вокругъ тебя какіе
Матеріалы дорогіе
Сошлись къ работѣ вызывать.
Здѣсь господинъ Иванъ Аксаковъ
Громитъ евреевъ и поляковъ,

Тамъ — ловко, что ни говори,
Ведетъ дѣлишки «Наше Время»;
Тутъ молодое наше племя
Надъ дамой тѣшится въ Твери.
Тамъ просто стонетъ берегъ невскій
Изъ-за того, что Чернышевскій
Цѣпочкой въ публикѣ вертитъ;
Тутъ дразнятъ все водопроводы
Акціонерные доходы,
Акціонерный аппетитъ.
Здѣсь рядъ почтенныхъ взглядовъ Бланка,
Тамъ у журналовъ перебранка,
Тутъ Загуляева протестъ;
Здѣсь канцелярскіе курьезы, —
Насмѣшки, крики, планы, грезы,
Изъ разныхъ устъ, изъ разныхъ мѣстъ».

Тебѣ, о проницательный читатель, предоставляется понять смыслъ этого предисловія и, на основаніи его, уяснить себѣ причину разнохарактерности моего *направленія*...

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

* * *

Къ укротителю въ звѣринецъ
Онъ водилъ свою супругу
И сказалъ онъ: «Крейцбергъ старшій!
«Окажи ты мнѣ услугу!

«Ты владыка надъ звѣрями,
«Укрощаешь львовъ, шакаловъ,
«Ты смиряешь крокодиловъ
«И съ сигарами нахаловъ;

«Укроти мою супругу
«Взглядомъ, голосомъ, хлыстами;
«Докажи, что ты волшебникъ
«И начальникъ надъ скотами!»

Посмотрѣлъ ей въ очи Крейцбергъ,
Опустилъ свой хлыстъ любимый
И промолвилъ тихо, робко:
«Это звѣрь неукротимый!»

* * *

Они лелѣяли другъ друга
Съ любовью;
Но ихъ свиданья дали пищу
Злословью.

И долетѣла къ мужу сплетня,
И въ злости,
Переломалъ онъ Донъ-Жуану
Всѣ кости.

Съ тѣхъ поръ томится юный щеголь,
И страждетъ,
И ужъ таинственныхъ свиданій
Не жаждетъ!!

---

* * *

Я на дачѣ, я на дачѣ!
Сыро, холодно..
Вѣтеръ воетъ, какъ собака,
Дождь стучитъ въ окно..

Подъ окномъ моимъ сердито
Пѣнится Нева;
У меня дымится печка
И трещатъ дрова.

Я, подъ ваточнымъ халатомъ,
Съежился, продрогъ;
Я не чувствую отъ стужи
Подъ собою ногъ.

Но, какъ истый петербуржецъ,
Горе затая,
«Я на дачѣ! я на дачѣ!»
Повторяю я.

И, отъ холода сжимаясь,
Подхожу къ окну
И привѣтствую улыбкой
Милую весну!..

ЭЛЕГІЯ ВЪ ВИЛЛѢ «Monde Brillant.»

—

Я въ Monde Brillant гулялъ. Ни ноты басовыя
Тирольки молодой,
Ни цитершлегеры, ни очи огневыя
Цыганки удалой, —

Ничто, ничто души моей не веселило—
И, передъ сценой, я
Стоялъ, насупившись, свирѣпо и уныло
И ярость затая.

Я возмущался тѣмъ, что карликъ на подмосткахъ—
Комедіантъ, фигляръ,
Осмѣлился надѣть нарядъ почтенный въ блесткахъ,
Сверкающихъ, какъ жаръ:

Что на его плечахъ я видѣлъ украшенья,
Въ которыхъ, для людей,
Все счастіе земли, вся радость, утѣшенья,
Всѣ блага жизни сей,

Тѣ блага, что̀ ведутъ къ почтенью и покою,
Которыхъ и во снѣ
Не забываю я, шепча себѣ съ тоскою:
«Ахъ, еслибъ тоже мнѣ!»

О, Излеръ! надъ тобой чиновника проклятье
Желѣзомъ тяготитъ...
Но нѣтъ! простимъ ему, простимъ ему, о братья:
Не знаетъ, что̀ творитъ!..

СОНЪ.

Я спалъ хорошо, безмятежно...
Мнѣ чудная снилась страна:
Тамъ птицы шептались такъ нѣжно,
Такъ славно свѣтила луна.

Тамъ все говорило про дружбу,
Тамъ не было тайныхъ враговъ;
Никто не являлся на службу,
Никто не имѣлъ орденовъ,

Никто не скрипѣлъ по бумагѣ
Въ присутствіи, рьянымъ перомъ,
И въ праздникъ, при шляпѣ и шпагѣ,
Не ѣздилъ къ начальнику въ домъ.

Тамъ разные знаки, мундиры,
Все чуждыя были слова;
Тамъ дешевы были квартиры
И водка была дешева.

Тамъ въ августѣ шубъ не носили
И не было въ дачахъ печей;
Тамъ дамы и дѣвы ходили
Безъ грозныхъ стальныхъ обручей,

На лбахъ у почтенныхъ супруговъ
Не ставили жены роговъ,
Тамъ не было тайныхъ недуговъ
И не было скверныхъ долговъ.

Тамъ акцій различныхъ не брали,
Тамъ щеголи высшей руки
Платковъ изъ кармановъ не крали,
Не лазили къ вамъ въ кошельки.

Тамъ улицъ весь день не мостили,
Тамъ святъ былъ чужой капиталъ,
Тамъ таксу извощики чтили,
Тамъ пьяныхъ не брали въ кварталъ,..

Но, ахъ! трескотней городскою
Внезапно я былъ разбуженъ —
И нѣтъ въ моемъ сердцѣ покою,
И конченъ плѣнительный сонъ!...

* * *

Я на сѣверѣ холодномъ,
Ты на югѣ, ангелъ мой...
Ахъ, когда-же можно будетъ
Мнѣ увидѣться съ тобой?

Степи матушки—Россіи
Необъятны, милый другъ,
И тащиться очень долго
Надо съ сѣвера на югъ.

Эти степи безконечны,
Грозны, холодны всегда,
И по нимъ, для небогатыхъ,
Стоитъ дорого ѣзда.

А на станціяхъ такъ скверно,
Такъ ужасны тюфяки
И кусаютъ такъ безмѣрно
Всероссійскіе звѣрки...

— «Подожди дорогъ желѣзныхъ»
Тайный голосъ шепчетъ мнѣ,
«Побѣгутъ онѣ красиво
«По родимой сторонѣ.

«И въ вагонѣ чистомъ, тепломъ,
«Ты, за нѣсколько рублей,
«Полетишь стрѣлой въ объятья
«Къ милой женщинѣ своей!»

Ахъ, и такъ уже замѣтно
Съ каждымъ днемъ старѣю я,
И на темени такъ грустно
Свѣтитъ лысина моя...

«Подожди дорогъ желѣзныхъ...»
Ахъ, проносятся года;
Что-же я, мой ангелъ милый,
Привезу тебѣ тогда?

Ахъ, до той поры блаженной,
Какъ до неба, далеко;
Мы состарѣемся оба,
Мы погрязнемъ глубоко.

Я утрачу жизни силы,
Остальныхъ волосъ лишусь
И въ торговые разсчеты
Всей душою погружусь;

Ты начнешь варить варенья
Бѣгать съ связкою ключей
И для міра изготовишь
Кучу маленькихъ дѣтей.

И когда, потомъ, въ вагонѣ,
Я пріѣду въ городъ нашъ,
Мы усядемся съ тобою
По копѣйкѣ въ ералашъ

И не вспомнимъ, что другъ друга,
Мы любили много лѣтъ,
Въ дни проэктовъ, и ревизій,
И блистательнѣйшихъ смѣтъ;

Въ дни, когда акціонеры
Были мыслію полны,
Что желѣзныя дороги
Будутъ скоро имъ даны!..,..

РАЗОЧАРОВАНІЕ.

—

Нѣтъ, я не вѣрю ничему,
Съ тѣхъ поръ, какъ въ тихій часъ, украдкой,
Прильнувши къ стану твоему
И, замирая въ нѣгѣ сладкой,
Я поцѣлуями покрылъ
Твою прелестную фигурку
И вдругъ, о боги, ощутилъ
На нѣжныхъ щечкахъ — штукатурку!

Нѣтъ, я не вѣрю ничему,
Съ тѣхъ поръ, какъ щеголь безъ укора,
Въ комъ я завидовалъ всему—
Отъ сапоговъ и до пробора,

Чей шикъ, манера, болтовня —
Все было ловко, бойко, звучно, —
Вдругъ, изъ кармана у меня,
Укралъ платокъ собственноручно!

Нѣтъ, я не вѣрю ничему,
Съ тѣхъ поръ, какъ увлеченъ примѣромъ
Людей, отличныхъ по уму,
И самъ я сталъ акціонеромъ;
И смѣты громкія читалъ,
И ѣздилъ въ общія собранья,
Но, ахъ! внесенный капиталъ
Не могъ спасти отъ растерзанья.

Нѣтъ, я не вѣрю ничему,
Съ тѣхъ поръ, какъ шефъ сказалъ мнѣ: «буду
«Я васъ имѣть въ виду, возьму
«Участье въ васъ и не забуду;»
И долго я спокойно ждалъ
Въ своемъ невѣдѣніи чистомъ
И только поздно увидалъ,
Что встрѣчу смерть—канцеляристомъ!

Нѣтъ, я не вѣрю ничему,
Съ тѣхъ поръ, какъ, проходя покойно

По тротуару одному,
Я провалился непристойно;
Съ тѣхъ поръ, какъ нанялъ дачу я
Въ припадкѣ лѣтняго лиризма
И только вынесъ изъ нея
Запасъ хандры и ревматизма.

Нѣтъ, я не вѣрю ничему —
Отъ щечекъ женщины до дачи....
О, горьки сердцу моему
Столичной жизни неудачи!
Во всемъ я вижу ложь, обманъ,
Знакомствъ короткихъ убѣгаю
И отъ пріятелей карманъ,
Какъ отъ чумы, оберегаю!...

---

* * *

Я глядѣлъ на него, на Шамиля,
И тѣснилися слезы въ глаза:
Не о томъ я грустилъ, что попался
Страшный воинъ, Кавказа гроза!

Не о томъ, что отнынѣ, онъ вѣчно
Не увидитъ родимой страны,
Но о томъ, что пріѣдутъ къ Шамилю
Три жены, три жены, три жены!..

Вспоминалъ я свою половину
И шепталъ, предаваясь мечтамъ:
«И съ одною у насъ наказанье,
А съ тремя... Злополучный Имамъ!

Съ ними могъ ты ужиться въ аулахъ,
Тамъ, въ горахъ и подъ сѣнію пальмъ,
Не видали онѣ кринолиновъ,
И бурнусовъ, и шляпокъ, и тальмъ!

Тамъ модистки головъ не кружили
Чудной смѣсью товаровъ своихъ;
Тамъ онѣ не катались въ колясказъ
И квартиръ не имѣли большихъ,

На упругихъ и мягкихъ кушеткахъ
Не сидѣли онѣ никогда
И для нихъ, красоты идеаломъ
Представлялась твоя борода!

Но надъ той бородой красноватой
Посмѣются коварно онѣ,
Какъ увидятъ, какія бородки
Отращаются въ нашей странѣ,

И чалму, и халатъ мусульманскій
Поруганью онѣ предадутъ,
Какъ увидятъ, какіе костюмы
Дюмигроны и Шармеры шьютъ.

И начнутся такіе расходы
У твоихъ просвѣтившихся дамъ,
Что начнешь ты заемныя письма
Раздавать, злополучный имамъ!

И посыплешь ты голову пепломъ,
Такъ, какъ мы посыпаемъ ее,
Въ тѣ минуты, какъ наши супруги
Намъ являютъ искусство свое.

А вѣдь мы лишь съ одною супругой
Тосковать и терзаться должны;
У тебя же, Шамиль злополучный,
Три жены, три жены, три жены!...

ПОСЛѢ СПИЧЕЙ НА ЮБИЛЕЙНОМЪ ОБѢДѢ.

(пародія)

—

Есть рѣчи — значенье
Нелѣпо, ничтожно;
Но имъ безъ досады
Внимать невозможно;

Какъ полны ихъ звуки
Лакейства и лести!
Въ нихъ просьба о чинѣ,
Моленье о мѣстѣ.

Не встрѣтитъ отвѣта
У сердца прямаго
Изъ гаденькихъ мыслей
Рожденное слово.

Но добрый начальникъ
Замѣтитъ пролазу,
Слезинку уронитъ
И выведетъ сразу....

ТРОСТНИКЪ И СПИНА.

(БАСНЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ)

—

«Какъ гибокъ я! какъ гнусь я превосходно!»
Сказалъ младой тростникъ, съ тщеславьемъ на челѣ
«Когда ни захочу, свободно
Склоняюся къ землѣ.
Кто въ гибкости со мной осмѣлится сравниться?
Кто обогнать меня рѣшится?»
—«Я!—» вдругъ раздался крикъ,—
И видитъ нашъ тростникъ—
Чудовище глазамъ его явилось.
—«Кто ты?» тростникъ спросилъ, тряхнувши головой;
«Какое существо рѣшилось
Помѣряться со мной

И въ гибкости со мною потягаться?»
— «Я» — говоритъ чудовище — «спина,
Которая затѣмъ лишь создана,
Чтобъ кланяться и до полу сгибаться;
Затѣмъ, что знаю я,
Что, чѣмъ моя порода
Способнѣе къ сгибанью, тѣмъ у ней
Почету болѣе, дохода,
И силы, и связей....
Конечно, и межъ нами
Такія спины есть,
Которыя—стоять какими-то шестами
Считаютъ за большую честь;
Но эти спины
Какія-то дубины,
И имъ за то на свѣтѣ нѣтъ житья;
Передъ такими-же, какъ я,
Ты, о тростникъ, ничто; куда тебѣ тянуться?
Притомъ, сгибаніе твое
Тебѣ копѣйки не приноситъ,
Ну, а мое
Обогащаетъ и возноситъ!»

Тутъ понялъ истину тростникъ
И головой въ смущеніи поникъ...,

Мораль сей басни такова:
Намъ гибкая спина нужнѣй, чѣмъ голова.

АКЦІОНЕРНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

—

Спи, владѣлецъ разныхъ акцій,
Баюшки-баю.
Жди въ грядущемъ сатисфакцій
За судьбу твою.
Подъ директорскія сказки,
Нѣжась, какъ въ раю,
Спи, закрывши тихо глазки, —
Баюшки-баю!

Отъ газетныхъ описаній
Говоръ поднялся,
Что въ правленіяхъ компаній—
Просто чудеса;

Но съ газетой непристойно
Быть тебѣ въ бою. .
Спи въ правленіи покойно, —
Баюшки-баю!

Пусть желѣзныя дороги
Строятся сто лѣтъ,
Пусть хранитъ характеръ строгій
Общества Совѣтъ;
Пусть взираетъ онъ съ презрѣньемъ
На казну твою. ...
Спи съ любовью и почтеньемъ, —
Баюшки-баю!

Пусть кричатъ, что въ Пароходствѣ
Цѣлый міръ чудесъ,
Что въ дѣлахъ и счетоводствѣ
Точно Брынскій лѣсъ;
Что «Отчеты» и «Сравненья»
Знаютъ роль свою;
Спи безъ горя и волненья, —
Баюшки-баю!

Пусть отъ газоосвѣщенья
Не увидишь ты

Никакого утѣшенья,
　　Кромѣ темноты;
Пусть лежатъ водопроводы
　　Бездны на краю,
Спи съ разсчетомъ на доходы, —
　　Баюшки-баю!

Пусть стоятъ на биржѣ низко
　　Цѣны акцій всѣхъ,
Пусть кричатъ, что гибель близко,
　　Что дремать вамъ грѣхъ;
Пусть Зоилъ предастъ печати
　　Грозную статью —
Спи невиннымъ сномъ дитяти, —
　　Баюшки-баю!

Спи спокойно, безмятежно
　　Съ утра до утра,
О тебѣ хлопочутъ нѣжно
　　Всѣ директора.
Ужъ они пригрѣютъ лихо
　　Всю казну твою,
Спи-жъ почтительно и тихо, —
　　Баюшки-баю!

*
* *

На столѣ передо мною
Всевозможныя закуски,
И гостей своихъ блинами
Угощаю я по русски.
Но блины ѣдятся вяло:
Три, четыре — и довольно!
Я смотрю — и сердце бьется
Очень больно, очень больно!
Предо мною воскресаетъ
Время славное, былое....
Ахъ, тогда въ землѣ россійской
Было племя удалое!
Ахъ, у нашихъ дѣдовъ были
Всеварящіе желудки;

Ѣли плотно наши дѣды
По четыре раза въ сутки!
А на масляной блинами
Объѣдались до упаду
И пыхтѣли богатырски,
Въ сердцѣ чувствуя отраду!..
Было время, были люди!
Было доблестное племя!
Измельчали, измельчали
Наши люди въ наше время!
Эти жиденькіе франты,
Погруженные въ заботы,
Въ современные вопросы,
Въ современные разсчеты,—
Эти люди съ ихъ мечтами
О возвышенныхъ предметахъ—
Какъ ничтожны и мизерны
На обѣдахъ и банкетахъ!
Мозгъ тревожатъ чепухою
А ѣдятъ лишь такъ, для шутки...
Измельчали, измельчали
Всероссійскіе желудки!...
И, съ презрѣньемъ безотраднымъ,
Я гляжу на это племя

И съ тоскою вспоминаю
То блаженнѣйшее время,
Тѣхъ людей, что̀ за бумагой
И за книгой не сидѣли,
И, отъ утра до полночи,
Бойко пили, плотно ѣли!...

КЪ ПОРТРЕТУ ВЕЛИКАГО МАЭСТРО ЛАЗАРЕВА.

—

От̀ъ пустыни абиссинской
До бреговъ Невы
Шли съ музыкой исполинской
Вы!

Крокодилы ей внимали,
Хоть, при страсти всей,
Ничего не понимали
Въ ней!

Внемля дикой вашей лирѣ
И дивясь красѣ,
Одурѣли въ этомъ мірѣ
Всѣ!

Передъ ней знатокъ искусства,
Абиссинскій князь,
Упадалъ, въ избыткѣ чувства,
Въ грязь!

Отъ столицы до пустыни
Несся крикъ молвы,
Что ближайшій другъ Россини —
Вы!

Лай собачій, шипъ змѣиный
И людской языкъ —
Все сливалося въ единый
Кликъ!

Но на свѣтѣ все невѣчно,
Все валится въ прахъ;
Ты сраженъ безчеловѣчно —
Ахъ!

Но твои дѣла и штуки
Не исчезнутъ—нѣтъ!
Будетъ помнить эти звуки
Свѣтъ!

Абиссинцы, Эѳіопы,
Желтые-Носы,

Жабы, свинки, антилопы,
Псы, —

Всѣ во вѣки не забудутъ
Музыки твоей
И, ликуя, вторить будутъ
Ей...,

Въ каждой степи, въ каждой лужѣ,
Дикимъ и скотомъ
Будетъ пѣться пѣснь о мужѣ
Томъ,

Что́ отъ степи абиссинской
До родимыхъ селъ,
Полонъ славы исполинской,
Шелъ!

ОСТАВЬ!

—

Оставь, мой другъ, что намъ за дѣло
До всей житейской суеты?
Вѣдь мы такъ тѣсно, такъ всецѣло
Любовью пылкою слиты.
Оставь, мой другъ! Пускай Россія
Летитъ впередъ, какъ на пожаръ;
Пусть доморощенный витія
Наноситъ прошлому ударъ;
Пусть курсъ всѣхъ акцій ниже па̀ри,
Пускай исчезло серебро,
Пускай Густава Молинари
Бьетъ Чернышевскаго перо;

Пускай идилликъ новгородскій
При всѣхъ жену благодаритъ;
Пусть дворянинъ вышневолоцкій
Нѣмецкихъ барышень разитъ;
Пускай съ «Пчелы» фельетонистомъ
Ведетъ полемику Деньеръ;
Пусть «Современникъ» съ пляской, свистомъ,
Летитъ на всѣхъ во весь карьеръ;
Пусть Калиновскій примиритель
При свѣтѣ «Свѣточа» шалитъ;
Пускай Старчевскій—обольститель
Предъ сельской властію юлитъ;
Пусть Костомаровъ предъ Летголой
Склоняетъ гордую главу
И, пораженный правдой голой,
Не знаетъ, какъ спасти Литву;
Пусть Григоровича афера
Встрѣчаетъ тьму позорныхъ клеймъ;
Пускай поетъ про «Піонера»
Поэтъ сердитый Розенгеймъ;
Пусть нѣтъ воды въ водопроводахъ,
Пусть процвѣтаютъ откупа,
Пусть плачетъ о своихъ доходахъ
Акціонерная толпа;

Пускай кричитъ она, что строги,
Какъ древній Зевсъ, директора;
Пускай желѣзныя дороги —
Воображенія игра;
Пускай летятъ отвсюду клики,
Что гласность блага раздаетъ;
Пускай, при запахѣ клубники,
Крестовскій стонетъ и поетъ;
Пусть Завалишинъ и Романовъ
Тузятъ другъ друга за Амуръ;
Пусть Гебгардъ возитъ великановъ,
Пусть «Русскій Вѣстникъ» споритъ съ Туръ;
Пускай пустынникъ Аскочѐнскій
Реветъ, что гибнетъ человѣкъ;
Пускай, на помощь скорби женской,
Идетъ по рыцарски Камбекъ;
Пускай общественное мнѣнье
Встаетъ на Страуса въ саду,
Пусть царскосельское правленье
Зоветъ Арсеньева къ суду;
Пускай Сорокина порочитъ
Съ пустымъ бумажникомъ зоилъ;
Пускай все мечется, хлопочетъ
И выбивается изъ силъ...

Оставь, мой другъ, что намъ за дѣло
До всей житейской суеты!
Вѣдь мы такъ тѣсно, такъ всецѣло
Любовью пылкою слиты;
Вѣдь мы *«искусству для искусства»*
Съ тобою служимъ, ангелъ мой;
Такъ для чего-же портить чувства
Всей этой жалкой ерундой?...

ГОВОРЯТЪ!...

—

Говорятъ, что идемъ мы впередъ,
Что Россія несется, какъ тройка;
Говорятъ, что и мы, въ свой чередъ,
Станемъ думать разумно и бойко;
Говорятъ, что и намъ суждено
Поступить, не шутя, въ либералы,
Говорятъ, что жевать все одно
Перестанутъ иные журналы;
Говорятъ, *имена* замѣнятъ
Алфавитную русскую гласность;
Говорятъ—приведется все въ ясность—
Говорятъ, говорятъ, говорятъ!

Говорятъ, что большіе плоды
Принесетъ намъ воскресная школа;
Говорятъ, что исчезнутъ слѣды,
Оскорбленія женскаго пола;
Говорятъ, отъ безумныхъ затѣй
Отрекутся въ столицѣ приневской;
Говорятъ, что морочить людей
Престанетъ редакторъ Старчевскій;
Говорятъ, что не женщинъ, а кладъ,
Мы получимъ изъ женскихъ гимназій;
Что не будетъ совсѣмъ безобразій ..—
Говорятъ, говорятъ, говорятъ!

Говорятъ, что депеши идти
Перестанутъ по нѣсколько сутокъ;
Говорятъ, сообщенья пути
Сообщать умудрятся безъ шутокъ;
Говорятъ, что исчезнетъ навѣкъ
Повторенье различныхъ скандаловъ
И уйдетъ обличитель Камбекъ
Со страницъ всероссійскихъ журналовъ;
Говорятъ, что Аскоченскій—хватъ
Превратится изъ тигра въ овечку
И затопитъ «Бесѣдою» печку—
Говорятъ, говорятъ, говорятъ!..

Говорятъ, что повсюду начнутъ
Лихоимства бѣжать, какъ заразы;
Говорятъ, что въ цѣнѣ упадутъ
Полотеры, глупцы и пролазы;
Говорятъ, что отнынѣ, всегда
Будемъ мы уважать человѣка;
Говорятъ, что теперь ерунда
Будетъ только въ журналѣ Камбека;
Говорятъ обо-всемъ за урядъ,
Разсуждаютъ, какъ будто бы строго —
И такъ много, такъ много, такъ много
Говорятъ, говорятъ, говорятъ!...

ЭЛЕГІЯ

(ОДИНЪ ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ВОПРОСОВЪ СЪ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ)

—

Я любилъ ее такъ нѣжно,
Такъ высоко, поэтично;
Все въ ней было такъ эфирно,
Такъ небесно, гармонично;
Но, вчера, о боги, боги,
Приключеніе какое!..
Ту, которая являлась
Мнѣ, какъ нѣчто неземное,
Окруженная цвѣтами,
Въ обстановкѣ идеальной, —

Ту красавицу увидѣлъ
Я въ палатѣ госпитальной!
Съ инструментомъ, подлѣ трупа,
Дѣва милая стояла
И, по правиламъ науки,
Трупъ спокойно разсѣкала.
Я отпрянулъ въ изумленьи
Отъ невиданнаго дѣла,
А она въ глаза мнѣ прямо
И учено посмотрѣла;
Протянула мнѣ спокойно
Окровавленныя руки
И сказала: »другъ, ты видишь
Здѣсь служителя науки;»
И опять припала къ трупу...
Я стоялъ, глотая слезы;
Черной пылью разсыпались
Поэтическія грезы;
Ихъ, какъ молнія, смѣняли
Медицинскія картины
И шепталъ я: «дѣва рая —
Докторъ, докторъ медицины!...»

* * *

Дождь и слякоть... По аллеѣ
Безбородкинскаго сада,
Ты гуляешь, приподнявши
Кончикъ свѣжаго наряда;

Стройно стянутую ножку
Выставляешь ты наружу,
Но, увы! ты поскользнулась
И попала прямо въ лужу...

Другъ мой, такъ и въ жизни нашей:
Какъ ни дѣйствуй осторожно,
А запачкаться въ болотѣ
Очень можно, очень можно!...

---

* * *

Мы съ ней молчаливо сидѣли,
Полны безотчетной тоски;
Я въ должность готовилъ бумаги,
Она мнѣ вязала носки.

Взглянулъ я ей въ очи, и въ душу
Мечта заронилась одна:
«Зачѣмъ ты лицемъ не Пастрана,
«Моя дорогая жена?

«Судьба измѣнилась бы наша,
«Явилось бы счастье какъ разъ,
«Я сталъ-бы твою образину
«За деньги водить на показъ.

«И быстро летѣли-бы въ кассу
«Монеты изъ всѣхъ кошельковъ,
«И я не ходилъ-бы на службу,
«И ты не вязала-бъ носковъ.»

---

* * *

Въ фотографіи недавно
Снялъ свою я образину;
Ахъ, когда-бъ могли вы видѣть
Эту чудную картину!

Перенесъ меня художникъ
На бумагу вѣрно, живо:
Носъ, глаза и бакенбарды
Смотрятъ бойко и красиво.

Далъ портретъ я той, къ которой
Пламенѣю я любовью,
За которую охотно
Я пожертвовалъ-бы кровью.

Но, коварная! вчера я
Къ ней явился на свиданье...
Вдругъ, у самой двери слышу
Странный хохотъ и шептанье...

Въ дверь взглянулъ я, и отпрянулъ,
Будто обданъ сильнымъ жаромъ:
Я красавицу увидѣлъ
Въ нѣжной позѣ съ лейбъ-гусаромъ.

На портретъ смотря, шептали:
«Образина-то похожа»
И, сквозь хохотъ, повторяли:
«Эка рожа! эка рожа!»

БАРКАРОЛА ЧИНОВНИКА

—

Тихо въ дачѣ Безбородки,
Успокоился народъ;
На Невѣ недвижны лодки,
Не дымится пароходъ.

На лазурномъ небосклонѣ
Полный мѣсяцъ вижу я;
На бревенчатомъ балконѣ
Ждетъ чиновница моя.

Вѣтеръ жалобой унылой
Тихо въ листьяхъ шелеститъ,
Слышу, мчится голосъ милой,
Слышу, сладко говоритъ:

«Другъ сердечный, другъ жестокій,
«Гдѣ ты, сердца милый царь?
«Погруженъ ужъ въ сонъ глубокій
«Мой губернскій секретарь.

«Не проснется: утомился
«Въ департаментѣ своемъ;
«Милый! еслибъ ты явился
«Къ наслажденію вдвоемъ!»

Слышу, слышу голосъ сладкій,
О, чиновница моя!
На свиданье, безъ оглядки,
Полетѣлъ бы шибко я;

Цѣловалъ бы пылко, смѣло,
Такъ, какъ дѣлывалъ я встарь;
Да мѣшаетъ твой Отелло,
Твой губернскій секретарь.

Неприступными гвоздями
Онъ утыкалъ весь заборъ;
Псовъ съ огромными зубами
Съ цѣпи выпустилъ на дворъ.

Я люблю тебя всей силой
Страсти бѣшеной моей,
Но боюсь, мой ангелъ милый,
И бульдоговъ, и гвоздей!

---

*

* * *

У Фонтанки, у Фонтанки,
Грустно я гуляю,
Завыванію шарманки
Сумрачно внимаю.

У Фонтанки, у Фонтанки
Встрѣтилъ я впервые
Соблазнительной тиранки
Очи голубыя.

Ахъ, Фонтанка, ахъ Фонтанка,
Весело бѣжала,
А она, моя Вакханка,
Млѣла и дрожала...

Та-жъ Фонтанка, та-жъ Фонтанка
Бойкая, живая,
Но душа моя, какъ банка
Старая, пустая.

На Фонтанку, на Фонтанку,
Полонъ грустной думы,
Прихожу я спозаранку,
Грустный и угрюмый.

Спитъ Фонтанка, спитъ Фонтанка,
Вся земля уснула...
Ахъ, за что, моя тиранка,
Ты меня надула?..

---

* * *

Ахъ, юность, полная огня,
Какъ ты стремительно поблекла!
Гдѣ время то, когда меня
Мамаша нѣжила и сѣкла?

Когда я въ курточкѣ ходилъ,
Не вѣдалъ о людскомъ обманѣ
И совершенно счастливъ былъ,
Имѣя гривенникъ въ карманѣ?..

Теперь извѣдалъ я людей,
Житье на свѣтѣ мнѣ постыло
И плѣшь на головѣ моей
Глядитъ печально и уныло...

* * *

Онъ былъ титулярный совѣтникъ,
Она—генеральская дочь;
Онъ робко въ любви объяснился,
Она прогнала его прочь.

Пошелъ титулярный совѣтникъ
И пьянствовалъ съ горя всю ночь,
И въ винномъ туманѣ носилась
Предъ нимъ генеральская дочь.

УТѢШЕНІЕ.

(Романсъ)

Вѣрьте мнѣ, о Россіяне,
Вѣрьте — правъ во всемъ Скарятинъ:
Все измѣнится, какъ должно,
Все очистится отъ пятенъ

Нигилисты — забіяки,
Консерваторы — тупицы,
Всѣ исчезнутъ безвозвратно
Изъ провинцій и столицы.

Жизнь свободную не будетъ
Жать ярмо антагонизма,
Оттого, что очень много
Въ насъ живетъ либерализма;*)

Ни реакціи не будетъ,
Ни тревоги грустно—шумной..
«Тише ѣдешь, дальше будешь»
Нашъ девизъ благоразумный.

Безмятежны, какъ младенцы,
Выбравъ гладкую дорожку,
Мы, когда нибудь, до цѣли
Доплетемся по немножку.

Только дайте до втораго
Намъ дожить тысячелѣтья,—
Обопримся мы отлично
Въ эти новыя столѣтья.

---

*) См. статью г. Скарятина въ «С.-Петербур. Вѣдом.»

Ко второму юбилею
Будетъ русскій міръ утѣшенъ,
И какой тогда воздвигнетъ
Новый памятникъ Микѣшинъ!

Подождите, потерпите!
Все очистится отъ пятенъ;
Въ этомъ намъ залогомъ служитъ
Зорковидящій Скарятинъ!

ПРАКТИЧЕСКІЕ СОВѢТЫ СТАРИКА СЫНУ.

Другъ мой, слѣдуй неизмѣнно
Ты родителя примѣру:
Постарайся постепенно
Проложить себѣ карьеру;

Спину гни какъ можно ниже,
Разсыпайся мелкимъ бѣсомъ,
Чтобъ придвинуться поближе
Къ персонажамъ съ крупнымъ вѣсомъ;

Будь увертливъ, быстръ и тонокъ,
Тщись служить для побѣгушекъ
И расчесывать болонокъ
У вліятельныхъ старушекъ.

Не считай преступнымъ дѣломъ —
Взять хорошенькую взятку,
Прилѣпись душой и тѣломъ
Къ канцелярскому порядку.

Знайся только съ лучшимъ кругомъ
И гнушайся кругомъ бѣднымъ,
Не дѣлись съ первѣйшимъ другомъ
Ни единымъ грошемъ мѣднымъ.

Журналистамъ — забіякамъ
Отвѣчай насмѣшкой тихой;
Съединись законнымъ бракомъ
Съ богатѣйшею купчихой.

Если твой начальникъ главный
Подаритъ ее вниманьемъ,
Ты считай сей случай славный
Для себя благодѣяньемъ.

Покланяйся въ умиленьи
Покровителю такому,
И при каждомъ посѣщеньи
Уходи скорѣй изъ дому...

Бойся всякихъ либераловъ,
Эти люди — гибель свѣту,
И читай изъ всѣхъ журналовъ
Только Павлова газету;

Въ этихъ правилахъ премудрыхъ
Вся наука нашей жизни;
Много юныхъ, среброкудрыхъ
Такъ живутъ у насъ въ отчизнѣ.

Такъ живи и ты: смиренно
Слѣдуй мудрому примѣру,
И составишь непремѣнно
Превосходную карьеру.

ВЗГЛЯДЪ НА ПРИРОДУ.

—

Я люблю смотрѣть на звѣзды,
Но не тѣ, что̀ въ горномъ мірѣ;
Мнѣ милѣе тѣ, что̀ свѣтятъ
На чиновничьемъ мундирѣ.

И люблю я слушать шелестъ,
Но не вязовъ, не акацій,—
Мнѣ милѣе шелестъ крупныхъ
Всероссійскихъ ассигнацій.

Я люблю смотрѣть, какъ гнется —
Но не ива въ рощѣ темной, —
Мнѣ милѣй сгибанье тѣла
У начальника въ пріемной.

И люблю внимать я реву —
Но не вѣтра надъ волнами, —
Мнѣ милѣе ревъ особы
Надъ мельчайшими чинами.

Я люблю ключи большіе —
Но не въ скȧлахъ и пещерахъ, —
Мнѣ милѣе тѣ, чтó блещутъ
На высокихъ каммергерахъ.

И люблю я теплый климатъ —
Но не странъ благословенныхъ, —
Мнѣ милѣй теплынь родная
Мѣстъ гражданскихъ и военныхъ.

ПО ВОЗВРАЩЕНІИ.

И вотъ они опять, знакомыя мѣста...
Некрасовъ

И вотъ они опять, знакомыя мѣста.
Гдѣ жизнь я получилъ, гдѣ дѣтскія лѣта
Провелъ подъ бдительнымъ, отеческимъ надзоромъ
Того, кто былъ ко мнѣ приставленъ гувернеромъ;
Гдѣ отдали меня въ отличный пансіонъ,
Въ которомъ намъ всегда твердили, что поклонъ,
Умѣніе сгибать съ почтительностью спину —
Есть средство вѣрное подняться на вершину;
Гдѣ выучился я старѣйшихъ уважать,
Ловить улыбку ихъ и гнѣва ихъ дрожать;
Гдѣ каждый Божій день ходилъ я въ департаментъ
Смирять мой юный умъ и пылкій темпераментъ;

Гдѣ откупа тузы, на кровные труды,
Палаццы строили, и парки, и сады;
Гдѣ штуки важныя откалываетъ гласность,
Гдѣ нѣтъ суровыхъ тучъ, а всюду миръ и ясность;
Гдѣ воздуху чужда странъ южныхъ теплота,
Но гдѣ, въ замѣнъ того, есть *теплыя* мѣста;
Гдѣ есть Козляниновъ, прямой потомокъ Скифовъ
Гдѣ живъ во всей красѣ міръ древнихъ, странныхъ миѳовъ,
Гдѣ льется золото на Франціи дѣтей,
Строителей дорогъ и *дорогихъ* гостей;
Гдѣ спятъ невиннымъ сномъ, съ душою, полной вѣры,
Подъ пѣснь директоровъ своихъ акціонеры;
Гдѣ, точно дѣвушка, конфузится прогрессъ;
Гдѣ все тѣмъ больше дровъ, чѣмъ дальше въ темный лѣсъ;
Гдѣ тщатся мудрецы исторгнуть злое сѣмя,
Гдѣ есть поклонники газеты «Наше Время;»
Гдѣ все подстрижено, подъ мѣрку сведено,
Гдѣ благоденствовать всѣмъ кроткимъ суждено,
Гдѣ духъ покорности, нѣмую добродѣтель
Умѣетъ оцѣнять начальникъ — благодѣтель ..

Да, вотъ они опять, знакомыя мѣста,
Мнѣ милы ихъ просторъ, и тишь, и красота,
Я къ лону ихъ припалъ, ни въ чемъ не вижу пятенъ
И дымъ отечества мнѣ сладокъ и пріятенъ!

ПАМЯТНИКЪ.

(Стихотвореніе Компаніи С. Петербургскихъ Водопроводовъ).

Я памятникъ себѣ воздвигнула вельможный...
О, другъ акціонеръ, смиренно падай ницъ!
Онъ въ восемь этажей, предъ нимъ пигмей ничтожный—
Адмиралтейскій шпицъ!

Я вѣчно не умру: въ акціонерномъ мірѣ
Удары времени меня не сокрушатъ,
И внуку скажетъ дѣдъ: «мильончика четыре
Подъ монументомъ симъ, дитя мое, лежитъ!»

От невскихъ бойкихъ водъ до струй спокойныхъ Дона
Все будетъ разносить родимая страна
Фамильи Океля, Палибина и Крона,
И Веймарна, и Ильина.

И буду потому полна я громкой славы,
Что явно я несла могучіе труды,
Ломала улицы, копала въ нихъ канавы
И сладко тѣшила всѣхъ чающихъ воды.

О, другъ—акціонеръ, удѣлъ твой дивно сладокъ!
Пойми, что слава—все, а бѣдность—не порокъ,
Забудь про дивидендъ и не страшись нападокъ
Газетныхъ глупыхъ строкъ!

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

В новомъ родѣ.

—

Говорятъ, водопроводы
Попросили Думу
Отпустить имъ на расходы
Тысячъ въ двѣсти сумму.

Говорятъ, услышавъ это,
Дума Городская,
Вмѣсто всякаго отвѣта —
Странная такая —

На бассейнъ, громаду — зданье,
  Ѣдко указала
И правленью въ назиданье
  Басенку сказала:

—

Попрыгунья-стрекоза,
Акведукная компанья,
Погрузилась въ трудъ копанья...
Вдругъ, глядитъ — пришла гроза:
Въ кассѣ чисто, словно въ полѣ,
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ добрякъ — акціонеръ,
Щедрый выше всякихъ мѣръ,
Подъ директорскія сказки
Спалъ, закрывши сладко глазки
И давать свой капиталъ
Чистымъ счастіемъ считалъ.
Дни блаженства пролетѣли-..
И Палибины, и Пели,
И Овсянниковъ, и Кронъ
Чуютъ время похоронъ.
Трубъ печальнѣйшая груда
На Сенатской площади,

А далеко, позади,
Башня смотритъ, какъ Іуда...
Тутъ компанія съ тоской
Лѣзетъ къ Думѣ Городской:
— Не оставь меня привѣтомъ,
Не срами предъ цѣлымъ свѣтомъ,
Одолжи для спуска водъ,
Тысячъ двѣсти на расходъ...
— Кумушка, мнѣ это странно!
Ты брала вѣдь безпрестанно
Деньги будто на труды,
А ни капельки воды
Въ ваши трубы не спустила...
— До того-ль, сестрица, было!
Вѣдь въ правленіи у насъ
Схватки, споры — каждый часъ,
Такъ что воду я забыла...
А притомъ, я безъ ума,
Рыла ямы ежечасно...
— Рыла ямы! И прекрасно, —
Такъ заройся въ нихъ сама!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

—

Спи, редакторъ знаменитый,
Баюшки-баю!
Я тебѣ, старикъ маститый,
Пѣсенку спою;
Пусть нелѣпѣйшія сказки
Жизнь срамятъ твою —
Ты пиши изъ подъуказки,
Баюшки-баю.

Ходитъ всюду слухъ нелестный,
Ходитъ рѣзкій свистъ,

Будто ты не слишкомъ честный,
Ловкій журналистъ;
Плюнь на слухи! Тискай смѣло
Нужную статью...
Это выгодное дѣло...
Баюшки-баю!

Помогло тебѣ лихое
Перышко твое,
Ты забылъ свое плохое
Прежнее житье;
Зажилъ ты богато, шибко,
Какъ въ земномъ раю,—
Вотъ что значитъ гнуться гибко...
Баюшки-баю!

Продолжай такое сѣмя
Въ землю ты кидать...
Видишь, можетъ наше время
Трудъ вознаграждать.
Пусть клеймятъ тебя Зоилы,
Ты силенъ въ бою,
Будешь крѣпокъ до могилы...
Баюшки-баю!

СИРОТЫ.

(Элегія).

> Слѣдуя настоятельному убѣжденію медиковъ, я, по совершенно растроенному здоровью, принужденъ немедленно оставить Петербургъ и любимое мое пребываніе въ Павловскѣ... Сладкія воспоминанія провожаютъ меня на дальнюю родину, а тамъ я буду питать единственное желаніе, единственную надежду—возвратиться нѣкогда съ новыми силами въ Павловскъ....
>
> Изъ письма г. Іоганна Страуса, напечатаннаго въ разныхъ газетахъ.

> Умеръ, Касьяновна, умеръ, голубушка,
> Умеръ и въ землю зарытъ.
>
> *Некрасовъ.*

—Что ты, машерочка? Страшно—унылая
Ходишь, блѣдна и худа?..
—Ахъ, и не спрашивай, душечка милая,
Страшная вышла бѣда!

—Чтоже? скажи мнѣ, голубушка Вѣрочка,
Я вѣдь подруга твоя...
—Ѣдетъ, милашечка, ѣдетъ, машерочка,
Ѣдетъ въ чужіе края...

—Кто-жъ это?... Въ сердцѣ сомнѣнье ужасное...
Имя скорѣе открой...
—Страшно и вымолвить: солнышко ясное,
Страусъ, владыка, герой!
—Онъ!.. Невозможно... Не вѣрю!.. О, душенька,
Съ сердцемъ моимъ не шути...
—Ѣдетъ, машерочка, ѣдетъ, подруженька...
На, вотъ газету прочти.

Ахъ, обливалась слезами ужасными
Я, какъ читала ее...
Видишь, разстроилъ трудами всечасными
Милый здоровье свое...
Сладко—плѣнительно милая пташечка
Пѣсню разлуки поетъ...
Ѣдетъ, машерочка, ѣдетъ, милашечка,—
Кто-же пригрѣетъ сиротъ?

Какъ расписалъ онъ прелестными красками!
Какъ не забылъ ничего!
Какъ онъ припомнилъ, что теплыми ласками
Мы награждали его!
Какъ онъ желаетъ скорѣе оправиться,
Силами вновь запастись...
Ѣдетъ, машерочка, ѣдетъ, красавица,
Какъ безъ него обойтись?

Вотъ какъ вернется онъ съ силами новыми,
То-то пойдетъ торжество!
Мы закидаемъ вѣнками лавровыми
Новыя силы его!
Ждутъ тебя Сонечка, Любочка, Вѣрочка,
Множество барышень, дамъ...
Ѣдетъ, голубушка, ѣдетъ машерочка...
Охъ, тяжело сиротамъ!

ПѢСНИ СУМАСШЕДШАГО АКЦІОНЕРА.

I.

Акціонеры!
Надежды, вѣры
Въ васъ больше нѣтъ,
И акцій кучи,
Какъ черны тучи,
Мрачатъ вашъ свѣтъ!
Доходъ свой вѣрный
Въ акціонерный
Я ввергнулъ міръ
И, какъ въ пустынѣ,
Стою я нынѣ
Убогъ и сиръ!

Въ рукахъ отчеты,
Въ виду начеты —
Лихой барышъ!
Въ ушахъ трезвоны,
Въ глазахъ купоны,
Въ карманѣ шишъ!
Я помню годы:
Водопроводы,
Рѣчной «Кавказъ»,
«Хозяинъ Сельскій,»
И Новосельскій,
И новый газъ,
И для полезныхъ
Дорогъ желѣзныхъ
Компаній рой, —
Все такъ плѣняло,
Такъ привлекало
Бумажникъ мой!
Промчались годы...
Водопроводы
Прошли, какъ паръ,
И только важный
Шестиэтажный
Резервуаръ

На насъ взираетъ
И возвѣщаетъ:
«Вотъ въ сихъ стѣнахъ,
«Надеждъ невѣрныхъ
«Акціонерныхъ
«Почіетъ прахъ!»
Кавказъ-Меркурій,
Какъ передъ бурей,
Повергнутъ въ сонъ,
Хозяинъ Сельскій,
И Новосельскій,
И Колиньонъ,
Проэкты, смѣты,
Тузы—Совѣты,
Директора,
Въ правленьяхъ схватки,
Игранье въ прятки,
Бумагъ гора,—
Все мозгъ буравитъ,
Все душу давитъ,
Какъ злой кошмаръ,
И акцій кучи
Сгущаютъ тучи,
Кидаютъ въ жаръ!

II.

Моего вы знали-ль друга?..
Офелія.

Вы знавали-ль Колиньона?
Онъ былъ бравый кавалеръ,
Горделивый, важный баринъ
И французскій инженеръ!

Тамъ далеко, за морями,
Въ пышной онъ сидитъ въ квартирѣ,
Передъ нимъ — сундукъ тяжелый,
Въ немъ — все русскіе рубли.

Колиньонъ! Назадъ три года,
Мы пришли къ тебѣ толпой:
«Потрудись-ка для народа
«И дороги намъ построй.

«Мы съ тобою разныхъ націй,
«Но у насъ найдешь ты рай,
«А ужъ русскихъ ассигнацій,
«Сколько хочешь, забирай!»

Онъ поспѣшно снаряжался,
Всѣ контракты заключилъ,
Все построить страшно клялся,
Обманулъ—и укатилъ!

Колиньону мы сказали:
«Ты контракты позабылъ,
«Твой карманъ мы наполняли,
«Нашъ до дна ты изсушилъ!»

Онъ съ усмѣшкой отвѣчаетъ:
«Я контрактовъ не забылъ;
«Развѣ Общество не знаетъ?
«Я шутилъ! вѣдь я шутилъ!»

Отпустили его мы съ тугимъ кошелькомъ,
Проводили съ смиреннымъ поклономъ,
И горючія слезы струплись ручьемъ,
Какъ прощалися мы съ Колиньономъ!

Онъ не придетъ! Онъ не придетъ,
Сей славный гость земли россійской,
И на чужбинѣ не вздохнетъ
О линіи ѳеодосійской!

Онъ не придетъ! онъ не придетъ!
И тамъ, среди французскихъ грацій,
Во славу русскихъ ассигнацій
Разсказъ заманчивый пойдетъ...
Онъ не придетъ! Онъ не придетъ!

ВЪ ХАНДРѢ.

—

На столѣ передо мною
Все журналы и газеты;
Въ нихъ серьезнѣйшіе толки
Про высокіе предметы;
«Наше Время» учитъ тайнѣ —
Быть хорошимъ гражданиномъ;
«Свѣточъ» споритъ самъ съ собою,
«День» урокъ даетъ раввинамъ;
Въ «Библіотекѣ для Чтенья»
Нескажуся фельетоны,
У Камбека ерундисты,

У Аскоченскаго стоны;
Въ «Сынѣ» штучки Раппопорта,
Въ «Почтѣ Сѣверной» приказы;
Тутъ—скептическія рѣчи,
Тамъ—лирическія фразы...

От стола иду къ окошку
Подышать и освѣжиться...
Вѣтеръ глупо завываетъ,
Небо хмурится и злится;
Гололедь на тротуарѣ
Опрокинула дѣвчонку,
Дворникъ гнется подъ дровами,
Ванька бьетъ свою кляченку;
Дамы мчатся въ магазины,
Пьяный легъ среди дороги,
На парадъ идутъ солдаты,
На погостъ плетутся дроги;
Подъ окномъ моимъ шарманщикъ
Все дудитъ изъ Риголетто...
Ахъ, когда-бъ вы только знали,
Какъ противно мнѣ все это!...

ВЕСЕЛАЯ ПѢСЕНКА

—

Ахъ, ты русская, русская гласность!
Сколько важныхъ вопросовъ ты въ ясность
Изъ тумана на свѣтъ привела!
И какая ты чудная сила
И какія ты, право, свершила
Величаво-благія дѣла!
Если взятки еще не пропали,
Такъ теперь получать-то ихъ стали
Осторожно, безъ грубыхъ манеръ;
Если женщинъ еще оскорбляютъ,
Такъ вѣдь это ужъ дѣти свершаютъ,
Какъ случилось въ Твери, напримѣръ;

Если мы дикарями богаты,
Если мы на словахъ тароваты,
Если лупитъ слугу либералъ,
Если многія спины все гибки,
Если подлостью пахнутъ улыбки,
Если силу имѣетъ нахалъ,—
Такъ вѣдь это однѣ исключенья
И блѣднѣютъ онѣ отъ сравненья
Съ тѣмъ, что ты намъ такъ щедро дала,
О, великая русская гласность,
Все приведшая въ яркую ясность...
Тра-ла-ла, тра-ла-ла, тра-ла-ла!

НЕ ВѢРЬ ДРУГИМЪ.

(ПАРОДІЯ.)

Не вѣрь себѣ, мечтатель молодой
Лермонтовъ. .

Не вѣрь другимъ, писатель молодой,
За кислые стихи не жди вознагражденья;
Повѣрь, не принесутъ копѣйки ни одной
Тебѣ твои стихотворенья.

Источника богатствъ ты въ нихъ и не ищи—
Стихи намъ крѣпко надоѣли!
Оставь въ покоѣ насъ—иль жизнь свою тащи
Безъ денегъ, въ старенькой шинели

Случится-ли тебѣ въ голодный, грустный мигъ,
Въ часы безденежной невзгоды,
Услышать вдругъ въ пустомъ желудкѣ крикъ
Напоминанія природы, —

Не вслушивайся ты и заглуши его,
Бѣги скорѣй отъ искушенья, —
Повѣрь, въ гостинницѣ не купишь ничего
За всѣ твои стихотворенья!

Какое дѣло намъ,—поѣлъ ты или нѣтъ?
На что намъ знать твои томленья?
Надежды глупыя на ужинъ и обѣдъ,
О жирныхъ блюдахъ сожалѣнья?

Взгляни: передъ тобой, играючи, идутъ
Писатели дорогою привычной;
Они и съ деньгами, и кушаютъ, и пьютъ
Солидно, сытно и прилично....

А между тѣмъ, едва ль не половину ихъ
Довелъ до громкихъ репутацій —
Не хитро-склеенный, не сладкозвучный стихъ,
А рядъ удачныхъ спекуляцій.

Повѣрь: для нихъ смѣшонъ плаксивый голосъ твой,
Стихи къ лунѣ, къ подругѣ, къ розѣ, —
Какъ жалкій юноша, вздыхающій порой
Предъ домомъ милой на морозѣ.

---

* *
*

Свое невинное, слезливое сердечко,
Ты предлагаешь мнѣ, красавица моя,
А съ нимъ жизнь тихую, кустарники, овечку
И маленькій шалашъ на берегу ручья.

Ты счастье мнѣ сулишь въ соломенномъ жилищѣ,
Ты сладко шепчешь мнѣ въ вечерній, тихій часъ:
«Зачѣмъ заботиться о деньгахъ, славѣ, пищѣ?
«Любовь обогатитъ, любовь насытитъ насъ!»

О, милый ангелъ мой! когда-бъ ты только знала,
Какъ пламенно къ тебѣ летитъ душа моя!
Но что же дѣлать мнѣ, когда безъ капитала,
Для сладкихъ нѣжностей совсѣмъ негоденъ я?

Но что-же дѣлать мнѣ, когда ни шумъ акацій,
Ни говоръ ручейка, ни лунный, кроткій свѣтъ, —
Не такъ отрадны мнѣ, какъ шелестъ ассигнацій
И сладкозвучный звонъ заманчивыхъ монетъ?

Но что-же дѣлать мнѣ, когда твоей діеты
Желудку моему не перенесть никакъ,
Когда, любя тебя, люблю я и котлеты,
И съ трюфлями бифштексъ, и портеръ, и коньякъ?

Да, другъ мой, если ты не хочешь участь нашу
Навѣки погубить въ уныньи и борьбѣ,
Такъ брось ты этотъ бредъ и попроси папашу,
Чтобъ онъ приданаго побольше далъ тебѣ....

Въ роскошныхъ комнатахъ, на гамбсовскомъ диванѣ,
Впивая съ нѣгою гаванскую струю,
За рюмкою вина и съ деньгами въ карманѣ, —
Готовъ я посвящать тебѣ всю жизнь мою!...

ПОДРАЖАНІЕ БЕРАНЖЕ.

—

Каково! моя Параша
Такъ отлично разодѣта!
Каково! у ней брильянты,
Камердинеръ и карета!

Каково! и ты не можешь
Обойтись безъ кринолина,
И зовутъ тебя, я слышу,
Не Параша, а Полина!

А давно-ль въ измятой шляпкѣ,
Вдоль по Невскому Проспекту,
Вечеркомъ, при свѣтѣ газа,
Ты шныряла безъ эффекту?....

Было время! были годы!
И ко мнѣ ты забѣгала,
И меня, въ моей каморкѣ,
Ты любовью награждала.

А теперь, когда ты мчишься,
Развалясь въ своей коляскѣ,
Я не смѣю и подумать,
О любви твоей и ласкѣ.

И къ бумажнику я руку
Прижимаю безотрадно....
Онъ мнѣ шепчетъ, что съ тобою
Мнѣ знакомиться накладно;

Онъ мнѣ шепчетъ, что Параша
Ужь не та, что въ стары годы,
Что Параша получаетъ
Полновѣсные доходы;

Что она въ ходу у знати,
Что она тузовъ дурачитъ
И что мой бумажникъ тощій
Ничего для ней не значитъ....

---

* * *

Ахъ, какъ все на свѣтѣ ложно!
Правды нѣтъ ни на копѣйку!
Я сидѣлъ недавно съ милой,
Гладилъ бѣленькую шейку,

Взглядомъ страстно-истомленнымъ
Упивался безмятежно,
Въ волосахъ ея роскошныхъ
Проводилъ рукою нѣжно.

Я дивился, что природа
Ей дала такую косу
И прикладывалъ ее я
То къ губамъ своимъ, то къ носу.

Какъ эссенціей ванили
Та коса благоухала!
Какъ роскошно, внизъ съ головки,
Черной змѣйкою бѣжала!

И ее рукою мощной
Сжалъ я въ чудномъ упоеньи....
Вдругъ.... снурокъ какой-то щелкнулъ,
Я отпрянулъ въ изумленьи....

Отвязалась, покатилась
Эта змѣйка вороная
И шепталъ я, растерявшись:
«Привязная, привязная!»

А она, потупивъ очи,
Улыбалася тревожно....
Ахъ, какъ трудно людямъ вѣрить,
Ахъ, какъ все на свѣтѣ ложно!. ..

---

*

ДЕЖУРНЫЙ.

(пародія).

Выхожу одинъ я на дорогу.
Лермонтовъ.

Выхожу одинъ я въ корридоры,
Подо мной паркетный полъ блеститъ,
Сторожъ спитъ, потупивъ въ землю взоры,
И курьеръ въ просонкахъ говоритъ.

Вкругъ меня все прибрано примѣрно;
Чисто все, спокойно все кругомъ...
Что же мнѣ такъ скучно и такъ скверно,
Будто въ грязь вступилъ я сапогомъ?

Я не жду отъ жизни ни полушки
И не жаль мнѣ прожитыхъ ничуть;
Я ищу дивана и подушки,
Я-бъ хотѣлъ разлечься и заснуть.

Но не такъ, какъ глупо спятъ въ могилѣ!
Я-бъ хотѣлъ заснуть, чтобъ видѣть сонъ,
Будто я уже чиновникъ въ силѣ,
Будто я начальствомъ награжденъ.

Такъ заснуть, чтобъ слухъ всегда лелѣя,
Съ лаской мнѣ начальникъ въ уши пѣлъ,
На плечахъ, чтобъ вѣчно зеленѣя,
Воротникъ чиновничій висѣлъ.

АНТОЛОГИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

(ПАРОДІЯ).

Мужа, о шляпкѣ рыдая, сердитая дама бранила;
Вынувши свой кошелекъ, денегъ онъ ей подарилъ.
Дама сейчасъ-же умолкла, его бакенбарды лелѣя
И, улыбаясь ему, прямо къ модисткѣ пошла.

* * *

Ночь... дѣвица молодая
Приближается къ окну...
Вѣрно хочется, мечтая,
Заглядѣться на луну.

Вѣрно дѣвушкѣ не спится,
Вѣрно пышетъ жаръ въ крови,
Вѣрно грудь ея томится
Жаждой нѣги и любви.

Вѣрно радужныя грезы,
Страсти бѣшеной гроза —
Упоительныя слезы
Вызываетъ на глаза...

Нѣтъ, не съ тѣмъ она подходитъ
Къ растворенному окну;
Нѣтъ, свой взоръ она наводитъ
Не на свѣтлую луну.

Нѣтъ, не страстное мечтанье
Мысли дѣвушки томитъ,
Не любви очарованье
Сердце юное щемитъ...

Мысль иная въ дѣвѣ статной:
Въ домѣ томъ, что̀ противъ ихъ,
Поселился баринъ знатный,
Удивительный женихъ.

Онъ дитя временъ старинныхъ,
Онъ годами истощенъ,
Онъ на ватѣ, на пружинахъ,
Нарумяненъ, набѣленъ.

Но за то его карета
Просто чудо—экипажъ,
Но за то онъ въ день балета
Ѣздитъ только въ бель-этажъ;

Но за то его супругѣ
Можно шику задавать,
Въ утонченномъ, высшемъ кругѣ
Роль отличную играть.

И глядитъ моя дѣвица
Въ растворенное окно,
И въ душѣ ея вертится
Помышленіе одно...

И прелестныя картины
Такъ и мечутся въ глаза:
Экипажи, кринолины,
Бриліанты, бирюза;

Ложа въ оперѣ, ливреи,
Рой поклонниковъ вокругъ,
И роскошныя затѣи,
И счастливый, высшій кругъ...

Шепчетъ дѣва молодая:
«Вотъ желанный мой женихъ!»
И глядитъ она, пылая,
Въ то окно, что̀ противъ нихъ...

И впивается глазами....
Тамъ горитъ еще ночникъ
И съ фальшивыми зубами
Дряхлый возится старикъ.

---

* * *

Печально я брожу по Невскому Проспекту....
Какъ полонъ жизни онъ! какъ много въ немъ эффекту!
Бездѣльники, дѣльцы, народъ мастеровой,
Проходятъ и снуютъ по звонкой мостовой.

Въ коляскѣ щегольской проносится красотка,
Гвардейца-молодца мчитъ узкая пролетка,
Линейку подаетъ желающимъ лихачъ,
Плетется омнибусъ на парѣ тощихъ клячъ.

Гуляющей толпой пестрѣютъ тротуары,
Тамъ саблями стучатъ красивые гусары,
Съ лорнеткой на носу проходитъ дипломатъ,
Обнявшись съ бабою, качается солдатъ.

Чиновники, купцы, швеи, кавалергарды,
Прически à l'anglaise, усы и бакенбарды,
И львы лохматые, и франты безъ волосъ,
Все въ массу пеструю, жужжащую, слилось.

А я—одинъ въ толпѣ, потерянный, забытый,
Въ заплатанномъ пальто, нечесанный, небритый,
Брожу,—и съ злобою глаза мои глядятъ
На всѣхъ, кто сытъ, обутъ, и веселъ, и богатъ.

Къ чему мнѣ Доминикъ, и Вольфы, и Рабоны?
И въ окнахъ у портныхъ жилеты, панталоны?
Къ чему мнѣ это все, когда карманъ мой чистъ,
И ходитъ только въ немъ зловѣщій, вѣчный свистъ?

Громадный Петербургъ, какъ ты хорошъ въ то время,
Когда души не жметъ заботъ житейскихъ бремя,
И какъ противенъ ты, и какъ болитъ душа,
Когда въ карманѣ нѣтъ ни мѣднаго гроша!

---

* * *

Онъ въ такомъ отличномъ платьѣ
Подходилъ ко мнѣ всегда,
Онъ така мило объяснялся
По французски безъ труда,

Онъ умѣлъ такъ живописно
Пледъ раскинуть на рукѣ,
Онъ по Невскому носился
На отличномъ рысакѣ;

Онъ въ театръ садился въ кресла,
Непремѣнно въ первый рядъ,
Онъ понтировалъ въ большую
Каждый вечеръ за урядъ....

Франтъ отличный! просто прелесть!
Я завидовалъ всему:
Этой ловкости, манерамъ
И костюму, и уму.

Но вчера, — о Боже, Боже!...
Франта этого рука
У меня нашлась въ карманѣ
Прямо подлѣ кошелька....

И межъ тѣмъ, какъ мой пріятель
Очень бойко удиралъ, —
«Ахъ, мазурикъ петербургскій!»
Я въ смущеньи повторялъ.

---

* * *

Ахъ, ты плутъ—мальчишка,
Сынъ мой ненаглядный,
На тебя гляжу я
Съ нѣжностію жадной.

Ты идешь, каналья,
Тоже вслѣдъ за вѣкомъ,
Будешь ты, я вижу
Дѣльнымъ человѣкомъ!

Полонъ я блаженства
И надежды сладкой,
Глядя, какъ ты часто
Побѣжишь украдкой

Къ моему комоду,
Ловко ключь приладишь
И оттуда быстро
Гривенникъ украдешь;

И потомъ слѣжу я
Въ чистомъ наслажденьи,
Какъ ты эти деньги
Пустишь въ обращенье,

Какъ сестру родную
Ими ты ссужаешь
И потомъ съ нея-же
Вдвое получаешь...

Какъ не восхищаться
Глядя, какъ порою
Ты передъ вельможей
Гнешься запятою;

Какъ ты понимаешь,
Кто богатъ и знатенъ,
Какъ въ дѣлахъ ты ловокъ,
Тонокъ, аккуратенъ!

Бестія—мальчишка,
Сынъ мой несравненный,
Ахъ, какой ты будешь
Рыцарь современный!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

60 коп. сер.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

